

УДК 811.16'28
ББК 81.2Рус.-67
О-11

Издание осуществлено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории» (проект «Русская филология на современном этапе»)

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук Л. Л. Касаткин,
доктор филологических наук Л. Э. Калнынь,
В. А. Пыхов (ответственный секретарь)

Ответственный редактор
доктор филологических наук Т. И. Вендина

Рецензенты:

кандидат филологических наук О. Е. Кармакова
кандидат филологических наук Е. С. Узенева

Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследование. 2006–2008: Сб. научных трудов – М.: Учреждение Российской академии наук Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2008. – 204 с.
ISBN 978-5-88744-077-4

В очередном выпуске тематического сборника публикуются статьи российских и зарубежных ученых, в которых обсуждаются проблемы славянской диалектологии и лингвогеографии, истории и современного состояния отдельных славянских языков, анализируются материалы *Общеславянского лингвистического атласа*, многих национальных и региональных атласов. В выпуск включены обзоры и рецензии на новые издания по славянской диалектологии.

Материалы данного сборника представляют интерес для специалистов в области славянского языкознания, истории, этнографии.

УДК 811.16'28
ББК 81.2Рус.-67

ISBN 978-5-88744-077-4 © Учреждение Российской академии наук Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2008

Содержание

<i>Т.И. Вендина.</i> Из истории работы над Общеславянским лингвистическим атласом. К 50-летию проекта (1958–2008)	5
<i>Т.И. Вендина.</i> Русские диалекты в общеславянском контексте	32
<i>Л.Э. Калнынь.</i> О диахронической интерпретации фонетических карт ОЛА	84
<i>А.А. Крывіцкі.</i> Аб стварэнні трэцяга выпуска АЛА «Раслінны свет»	108
<i>Януш Сятковский.</i> Славянские названия лба в свете диалектных материалов и исторических источников	114
<i>Pavol Žigo.</i> Motivácia opisu deklinácie substantív na materiáli OLA	126
<i>Е.И. Якушкина.</i> «Не все приятное полезно?» (Семантика слав. *užiti / *uživati ‘пользоваться’, ‘наслаждаться’)	135
<i>Н.Е. Ананьева.</i> О функционировании претеритальных форм совершенного вида со значением повторяемости в польских диалектах (IV часть)	145
<i>А.Г. Израелян, Р. Верма.</i> Создание индексов ОЛА с помощью компьютерной программы <i>Atlas Project</i>	154
<i>Ж.Ж. Варбот.</i> Этимологические заметки по материалам Общеславянского лингвистического атласа	159
<i>Л.В. Куркина.</i> Этимологический комментарий к русским диалектизмам	163
<i>И.П. Петлева.</i> Этимологические заметки	170
<i>Т.В. Горячева.</i> К семантической типологии западно- и восточнославянских названий облачного неба	175

Обзоры и рецензии

К библиографии ОЛА.4 (<i>В.А. Пыхов</i>)	181
<i>Mira Menac-Mihalić.</i> Frazeologija novoštokavskih ikavskih govora u hrvatskoj s rječnikom frazema i značenjskim kazalom s popisom sinonimnih frazema. Institut za hrvatski jezik i jezikolštvoje. “Školska knjiga”. Zagreb 2005. 505 s. (<i>М.М. Симеунович-Скворцова</i>)	184
<i>Mijo Lončarić.</i> Kajkaviana & alia. Ogledi o kajkavskim i drugim hrvatskim govorima. Urednik Josip Lisac. IHJJ. Zagreb. Čakovec, 2005. 555 s. (<i>Г.П. Пилипенко</i>)	189
<i>Марјан Марковиќ.</i> Ароманскиот и македонскиот говор од охридско-струшкиот регион (во балкански контекст). Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2007. 187 с. (<i>М. Макарцев</i>)	194
<i>Petar Šimunović:</i> Rječnik bračkih čakavskih govora. Supetar: Brevijar 2006. Biblioteka “Brački libar” – knjiga 18, urednica Mira Menac-Mihalić. 746 s. (<i>М. Лончарич</i>)	201

для контактной диалектологии⁹. Говоры моравских хорватов в Чехии также принадлежат к градищанско-хорватской диалектной системе. В статье «Prilog istraživanju govora moravskih Hrvatata» представлена полная картина фонетических и морфологических особенностей этих говоров с фиксацией чешских и немецких языковых влияний.

Последние статьи посвящены различным аспектам языкознания, которые характеризуют диапазон интереса автора книги: исследуются лужицко-сербско-хорватские языковые связи, хорватский литературный язык и хорватские диалекты, история кроатистики в Венгрии. М. Лончарич, ссылаясь на исследования Х. Шустер-Шевца, по происхождению лужицкого серба, пишет, что между западными диалектами хорватского языка и языком (языками) лужицких сербов существуют определённые лингвистические параллели: сокращение праславянского акута, вокализация *ъ* в предлоге *wa-va* (от **vъ*), наличие префикса *vu-*, переход групп *di, il* в *gl, kl* и т.д. В следующей статье автор делает исторический обзор хорватского языка и его диалектов. По М. Лончаричу, особенность хорватской культуры наиболее ярко представляет литература на диалектах (в том числе и на кайкавском). Достояния внимания также небольшая статья о венгерских славистах-кроатистах XIX и XX вв. Данный очерк позволит расширить представление о культурных связях соседних народов, венграх и хорватах. В статье, завершающей издание, отразился интерес автора к истории становления диалектологии в Хорватии. Речь идёт о Стъепане Павчиче, учёном, который в начале XX века исследовал состояние славонских говоров до периода турецких завоеваний.

Без сомнения можно утверждать, что книга М. Лончарича «Kajkaviana & alia» – ценный вклад в развитие славянской и хорватской диалектологии. Тем более, что описывается такой малоизученный и интересный диалект как кайкавский. Учитывая, что это родной диалект автора книги, можно довериться его суждениям, в особенности в области просодии, что часто недоступно иноязычному исследователю или даже исследователю, рождённому в другой диалектной южнославянской области.

Г. П. Пилипенко

Марјан Марковиќ. Ароманскиот и македонскиот говор од охридско-струшкиот регион (во балкански контекст). Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2007. 187 с.

Марьян Маркович. Арумынский и мкедонский говор в охридско-стружском регионе (в балканском контексте). Скопье, Македонская академия наук и искусств, 2007. 187 с.

В последнее время высказываются опасения, что дальнейшее существование Балканского языкового союза (далее – БЯС) ставится под вопрос в связи с изменением политической и культурной ситуации на Балканском полуострове. Так, образование независимых государств на полуострове, как говорят, создало препятствия для распространения балканизмов, а влияние литературных языков на

⁹ Влияние словацкого, венгерского и немецкого языков: исчезновение оппозиции звонкий/глухой, развитие звука *h*, наличие артикля, функция приставок и т.д.

территории каждого государства сглаживает различия между диалектами за счет стирания целого ряда балканских особенностей, не характерных для литературного языка¹.

Появление монографии профессора М. Марковича, как кажется, дает возможность для оптимистических прогнозов о судьбе БЯС. В книге проводится сопоставительный анализ фонетической и грамматической систем охридского арумьнского и охридского македонского диалектов.

Важность данного региона для балканистических исследований сложно переоценить, поскольку в течение почти полутора тысяч лет именно центральная часть Балканского полуострова является зоной интенсивных межъязыковых контактов. Здесь пересекаются такие языковые континуумы, как албанский, балканороманский, греческий и славянский, не говоря уже о тюркском и цыганском. Охридско-стружский регион находится в непосредственной близости к центру БЯС.

Всё это время регион (как, впрочем, и вся центральная зона Балканского полуострова) характеризовался сложной языковой ситуацией. В настоящее время государственным языком здесь является македонский, официальный язык Республики Македонии, в которую входит основная часть региона (впрочем, часть македонских охридско-стружских диалектов функционирует в приграничных районах Албании: села Тушемште и Пискупия на юго-западном берегу Охридского озера и Лин на северо-западном). Македонский – не единственный язык, используемый в регионе: в г. Охриде и его окрестностях проживает значительное количество арумьн-фершеротов, которые говорят на одном из арумьнских диалектов. Арумьнские диалекты принадлежат к восточнороманской группе языков и находятся в родстве с румынским языком; в основном распространены на территории Албании, Греции и Македонии. В последнее время осуществляются попытки создания единого арумьнского литературного языка. О происхождении арумьн существует три основных теории: предками арумьн были 1) романизированные иллирийские и фракийские племена; 2) романизированные племена даков; 3) непосредственно римские колонизаторы. В регионе также проживает значительное количество албанцев (оно особенно выросло в последние годы за счет переселенцев из Косова).

Современное арумьнское присутствие в регионе восходит к XVIII веку, когда после разорения Али-пашой Янинским города Москополе (Воскопя), круп-

¹ Напр., О. Мишеска Томич предполагает: "Национальные государства и простота коммуникации в современной Европе могут положить конец языковой конвергенции" (O. Mišeska Tomić. The Balkan Sprachbund properties: An introduction to Topics in Balkan Syntax and Semantics // Balkan Syntax and Semantics (ed. Olga Mišeska Tomić) (Linguistik Aktuell/Linguistics Today 67) Leiden, 2004. P.4). В. Фридман придерживается следующего мнения: "Основные орфографические и лексикографические проблемы <при кодификации балканских литературных языков – М. М.> повлекли за собой принятие <...> решений, которые ведут к дезинтеграции Балканского языкового союза" (V. Friedman. Dialectal base, variation and codification of the Balkan literary languages: Albanian, Bulgarian, Macedonian and Romany // Balkan Forum, 1/1, 1992. P. 153.). В другом месте этот же автор замечает: "Двигаясь путем стандартизации, связанной с разрушением прежде существовавшего политического объединения, мы приходим к распаду именно тех контактов, которым обязан своим возникновением первоначальный союз" (В. Фридман. Граматикализацијата на балканизмите во македонскиот јазик // Македонски јазик, I-I-II, 2000–2001. С. 31.).

ного центра арумьинской культуры, многие романоговорящие жители юго-восточных областей современной Албании и северной Греции были вынуждены бежать на земли Вардарской Македонии, Болгарии, Сербии и далее в Европу. Основная арумьинская эмиграция на территорию охридско-стружского региона закончилась во второй половине XIX века. Таким образом, взаимодействие между охридским македонским и охридским арумьинским говорами продолжается не более двух с половиной столетий. Следовательно, общие особенности этих говоров, если они не вызваны иноязычным влиянием, обязаны своим возникновением продолжительным контактам на междиалектном уровне.

Сопоставление двух охридских диалектов – арумьинского и македонского – проводится на фоне соседствующих и родственных идиомов. Для более надежной интерпретации арумьинского материала привлекаются крушевский арумьинский и литературный румынский; охридский македонский проверяется данными других охридско-стружских диалектов (в основном – диалекта города Струги) и литературным македонским, а для внешнего сравнения используется албанский язык (с несколько расплывчатой формулировкой «данные со всей албанской территории» (с.7)). Это даст возможность показать особенности охридского арумьинского, отличающие его от прочих арумьинских диалектов и результаты интерференции в македонском и арумьинском на диалектном уровне.

Монография делится на три главы, посвященные соответственно: 1) фонологической системе рассматриваемых диалектов (с.19–48); 2) именной системе (с.49–95) и 3) глагольной системе (с.95–167). В начале каждой главы дается отдельный очерк рассматриваемых диалектов, сначала арумьинского, а потом македонского. Затем данные обобщаются и сопоставляются. В заключении информация резюмируется. Материал по охридскому арумьинскому и македонскому, собранный до настоящего времени такими выдающимися лингвистами, как З. Голомб и Б. Видоески, подвергся серьезному осмыслению на основе полевых данных.

Морфонологический подход позволяет показать, как «явления, которые, на первый взгляд, включены в сферу фонологии, глубоко внедряются в систему, вызывают дальнейшие морфологические изменения и целиком интегрируются в нее» (с.54).

В главе, посвященной фонологии, выделяются следующие проявления взаимной интерференции рассматриваемых диалектов («и, в известной мере, албанского» (с.45)): существование «темной» гласной *ǎ* (в том числе и за счет ее возникновения сразу в нескольких сходных позициях (с.45–46)); сходная судьба дифтонгов (монофтонгизация (с.46–47)); параллели в консонантизме (напр., [g] → [ʒ]; [ʃt] → [ʃc] (с.47–48)).

Как пишет М. Маркович, в центре его внимания – «функционирование грамматической системы с точки зрения отдельных грамматических категорий» (с.170). В главе, посвященной именной системе, помимо ряда явлений, общих для БЯС (или, по крайней мере, его значительной части: местоименная реприза, позиция клитик, правила использования полных/кратких форм местоимений) есть и ряд ярких особенностей ареала (использование *му* в качестве унифицированной формы дательного падежа местоимения третьего лица (resp., арум. *l'ǎ*) с нейтрализацией по роду и числу (ср. *Му реков на девојката/момчето/луѓето да дојде; L'ǎ spruǎ ali feti/al fiçoru/al omǎjñ' a zinǎ*); грамматикализация предлогов *на/ри* для выражения аккузативных отношений при одушевленных объектах (*го виде на*

Климента; и *vātiū pi Ndonga*), *od/di* для выражения генетивно-дательных отношений (*куката од човекот; кап ди ursoh*)².

Монография является первым исследованием, которое анализирует глагольные системы охридских арумынского и македонского в функциональном аспекте. Оба рассматриваемых диалекта развили глагольную систему балканского типа³, параллельно с этим арумынский приобрел ряд славянских черт, а македонский в некотором смысле «романизировался».

Из множества перечисленных явлений отметим те, которые являются яркой приметой ареала. Автор усматривает в балканском влиянии, главным проводником которого был арумынский, истоки расшатывания оппозиции по переходности/непереходности в охридском македонском, приводя такие примеры, как *Го умреа човекот* ('Уморили человека', ср. охридское арумынское *U mi' rirā omi* (с. 132). Это расшатывание, по его мнению, отчасти обязано возникновению глагольных конструкций типа *Дојден сум* ('Я пришел': так называемый сум-перфект, подробнее см. далее) и особой модальной категории готовности к действию (*Го јадам лебов за една минута* 'Я могу/готов съесть весь хлеб за одну минуту'). Что касается системы времен, то надо сказать, что при ее значительном изоморфизме в рассматриваемых диалектах, в охридском арумынском ряд форм начинает играть ранее не свойственную им роль. Так при помощи противопоставления аориста имперфекту начинает выражаться оппозиция по перфективности/неперфективности (с. 140).

Особым вниманием автора пользуется перфект в его связи с другими временами и категорией эвиденциальности. В охридском македонском существует три формы перфекта: *л*-перфект, *имам*-перфект и *сум*-перфект⁴. *Л*-перфект в рассматриваемом диалекте имеет два основных значения: репортативность и адмиративность. *Имам*-перфект имеет значение неопределенности и (чаще всего) засвидетельствованности. Основным значением *сум*-перфекта является результативность. Что же касается охридского арумынского, то во время полевых исследований в 1992 году В.Фридманом была обнаружена особая система форм на *-cka/-ska*, сопоставимая с албанским адмиративом⁵, которая передает значение неожиданно-

² М.Маркович указывает на неоднозначность соответствий охридских македонских *од/на* арумынским *dī/prī*, но подробный их анализ не входит в его намерения.

³ Понятие «балканский тип глагольной системы» используется не в качестве строгого термина, поэтому не раскрывается. В задачи автора не входит создание модели идеального языка балканского типа, смоделированная глагольная система которого использовалась бы в качестве *tertium comparationis*, позволяющего определить «степень балканскости» того или иного диалекта.

⁴ По существующей традиции, из парадигмы приводятся формы первого и третьего лица единственного числа, по которым можно восстановить все остальные. *Имам*-перфект (*јас имам напишано, тој има напишано*) состоит из спрягаемой формы вспомогательного глагола *имам* ('иметь') и формы ср.р. причастия на *-но/-то*. *Л*-перфект (*јас сум напишал, тој напишал*) состоит из спрягаемой формы вспомогательного глагола *сум* ('быть'), которая в третьем лице опускается, и изменяемого по родам и числам причастия на *-л* основного глагола. *Сум*-перфект (*јас сум дојден, тој е дојден*) состоит из спрягаемой формы вспомогательного глагола *сум* и изменяемого по родам и числам причастия на *-н/-т*.

⁵ Этот термин используется здесь как традиционное название особой категории албанского языка, которая имеет спектр значений, не сводимых только к удивлению перед фактом: среди них мы находим и репортативность, и дубитативность. Он принят в работах В.Фридмана; М.Маркович пользуется для обозначения соответствующих арумынских форм на *-cka/-ska*.

сти информации. Она образуется от причастия глагола, к которому добавляется неизменяемая частица *ka*, восходящая, по всей видимости, к алб. *ka* (III л. ед.ч глагола *kat*, 'иметь', который участвует в образовании албанских форм адмиратива, ср. *une shkruakam, ai shkruaka* ('я, оказывается, пишу'; 'он, оказывается, пишет'). Кроме того, репортативность и адмиративность наравне с предшествованием выделяются как основные значения македонского и арумьнского плюсквамперфекта. К сожалению, описание арумьнского адмиратива носит обзорный характер, но надо отметить, что статус этой и смежных с ней категорий в балканских языках уже долгое время пользуется заслуженным вниманием лингвистов, поэтому подробный разговор на эту тему явно выходил бы за рамки поставленной в монографии задачи.

Ценным моментом книги является сопоставительный анализ *имам*- и *сум*-перфекта. Основное различие между ними сводится к видовой оппозиции: *сум*-перфект выступает только с дополнительным значением совершенного вида, в то время, как *имам*-перфект является немаркированным членом оппозиции и передает значение несовершенного вида.

В охридском арумьском выработались структурно сходные средства, в частности, *esk*-перфект, соответствующий македонскому *сум*-перфекту, возник для передачи значения совершенного вида. Первоначально *esk*-перфект развивался на основе глаголов, имеющих лексический признак совершенности (моментальность, фазовые глаголы, глаголы изменения состояния), что может быть сопоставлено с латинским перифрастическим перфектом (с.149). Кроме того, как в том, так и в другом диалекте эти два вида перфекта *сум*- и *имам*-перфект (resp. *esk*- и *am*-перфект) связаны с оппозицией по переходности/непереходности глаголов (что позволяет обратиться к албанскому языку, где перфект возвратных глаголов образуется по модели *jam* ('быть') + неизменяемое причастие, а перфект невозвратных глаголов – по модели *kat* ('иметь') + неизменяемое причастие). Противопоставление аориста имперфекту в охридском арумьском также рассматривается М. Марковичем *sub specie* категории вида. Подытоживая рассмотрение вопроса о категории вида в охридском арумьском, М. Маркович пишет: «В поисках средств для приспособления к македонскому типу вида, арумьский язык не только воспользовался тенденциями, глубоко восходящими к прошлому индоевропейских языков, но и доразвил их» (с.150).

Вопрос о формах будущего времени не так прост, как может показаться. На первый взгляд, маркер будущего времени – неизменяемая частица (*do, va/u, ke*) – во всех трех языках восходит к глаголу со значением 'хотеть', тем не менее, не исключается и возможность того, что арумьское *и* представляет собой не сокращенное *va* (← *voi*), а сокращенное *habere*. Впрочем, здесь автор достаточно осторожен и воздерживается от окончательных выводов.

Одной из ярких особенностей рассматриваемых говоров является широкое употребление отглагольных существительных, которые значительно сузили сферу употребления, если не упразднили полностью деепричастие и герундив.

Исходя из перечисленного, можно отметить, что значительная степень интерференции между охридскими арумьским и македонским, достигнутая всего за двести лет, позволяет говорить о перспективах Балканского языкового союза. Не случайно, что большую часть XX века – практически треть времени сосуществования – рассматриваемые диалекты развивались в условиях все возрастаю-

шего влияния литературного языка. При этом проведение государственных границ, отделивших часть диалектов региона, находящихся на западном и южном побережье Охридского озера, не оказало на этот процесс на север и на восток от озера практически никакого влияния. Собственно, существующее положение – результат балканизации, продолжающей происходить у нас на глазах.

Рассматриваемая монография сочетает в себе сразу несколько важных особенностей, которые придают ее выводам и представленному языковому материалу значительную ценность. Во-первых, интерференция, которая привела к возникновению БЯС, по мере возможностей рассматривается на материале одного региона на междиалектном уровне, что позволяет обходить многие из проблем, связанные с использованием в качестве базы исследования только литературных языков. Во-вторых, привлекается малоизученный арумынский материал, что дает возможность совместить грамматический анализ с описанием малоизвестного диалекта. В-третьих, анализ отношений между различными элементами языковой системы ведется, исходя из первостепенной важности обеспечения коммуникации между носителями как одного языка, так и разных. Интерференция воспринимается не как явление, существующее само по себе, а как следствие процесса коммуникации, что находится в рамках современной интерпретации факторов возникновения БЯС. В-четвертых, материал описывается по единой схеме и с единой терминологией, что позволяет обратиться к глубинной сущности явлений, не останавливаясь на различиях грамматических традиций.

Тем не менее, есть ряд проблем, которые заслуживают отдельного внимания.

Прежде всего, это касается языков, выбранных для сопоставления. В центре внимания автора находятся охридские арумынский и македонский диалекты. Для оценки степени интерференции выбираются, соответственно, крушевский арумынский и румынский литературный язык, и – стружский македонский диалект и македонский литературный язык. При этом описание и использование фактов некоторых языков, использованных для сравнения, страдает неполнотой и непропорциональностью, а также недостаточной мотивированностью (см. далее об оппозиции определенных/неопределенных форм в арумынском и о неиспользованном румынском материале).

«Контрольные» языки должны иметь следующие признаки: 1) они должны находиться в наиболее близком родстве с описываемыми языками; 2) они, по возможности, не должны подвергаться тем же влияниям, что и описываемые языки.

1) Выбор македонского и румынского литературных языков, хотя и представляется оправданным (поскольку в них меньше степень интерференции), но спорен, поскольку в данном случае мы имеем дело уже не с диалектами (а ведь БЯС возник именно в результате междиалектной интерференции), а с литературными языками, которые находятся под влиянием языковой политики своих кодификаторов. Кроме того, факты этих языков используются не в полной мере. Например, ср. сопоставление неопределенных/определенных форм в албанском и арумынском: вместе с такими формами, как *mik – miku vs. pork – porku; shok – shoku vs. korb – korbu; krah – krahū vs. an – anu* (по всей вероятности, в арумынском произошло выравнивание, приблизившее систему определенных форм мужского рода к албанским, ср. цепочку: *pr'efstulu > pr'efstu* (форма отмечена в с. Долна Белица) > *pr'efstū* (с.84)), приводятся и такие, как *vajzë – vajza vs. fetā – feta; nënë – nëna vs. dadā – dada; orë – ora vs. orā – ora* (с.85; допустить, что эти

формы возникли в результате интерференции с албанским, едва ли возможно, поскольку такой же тип образования неопределенных форм существует и в румынском языке). Если первый ряд форм действительно мог бы свидетельствовать об албанско-арумынской интерференции, то комментарии ко второму ряду примеров не вполне ясны⁶.

2) Степень интерференции с арумынским стружского македонского диалекта нуждается в пояснении, учитывая, что по данным македонской государственной переписи населения 2002 года в Охриде жило 308 арумын, а в Струте почти в два раза больше – 545 (при македонском населении 37801 и 9901 человек соответственно). Следовало ли ожидать большей арумынизации стружского македонского? Автор кратко останавливается на этом при рассмотрении фонетических особенностей стружского македонского диалекта (с. 42). Такое соотношение явно не свидетельствует в пользу выбора в качестве *tertium comparationis* стружского диалекта. Очевидно, для охридского македонского следовало бы взять в качестве «контрольного» языка один из диалектов, который мало подвергался, или вовсе не находился под влиянием арумынского.

Что же до арумынских диалектов, здесь картина несколько отличается: так, крушевский арумынский диалект, взятый для сравнения с охридским, используется в городе Крушево (по переписи 2002 года – 1020 арумын и 4273 македонца). Это уже несколько другое соотношение, но решительно ситуация не изменяется, поскольку вопрос остается прежним: насколько справедливо сравнивать диалекты, так или иначе подвергавшиеся (и продолжающие подвергаться) интерференции, и делать на основе их изучения выводы, касающиеся степени интерференции? Представляется более перспективным взять в качестве «контрольного» языка один из албанских арумынских диалектов, которые относительно долго не испытывали славянского влияния. Хотя здесь исследователь сталкивается с проблемой доступности информации по тем или иным диалектам, и, к сожалению, на настоящий момент в том, что касается малых языков Балкан, это фактор становится одним из решающих.

Впрочем, главные цели монографии достигнуты. Во-первых, охридский арумынский диалект получил грамматическое описание, выполненное с широким привлечением полевого материала и с использованием самых новых разработок. Во-вторых, охридский македонский теперь разработан *sub specie* балканистики («малого прицела»), ориентированной на всестороннее описание микроареалов (очевидно, что это новое направление весьма перспективно, поскольку в нем балканистика обращается непосредственно к тем микроареалам, которые составляют Балканский языковой союз). Как и всякое актуальное исследование, предла-

⁶ «Здесь мы не могли бы останавливаться только на диалекте фэршеротов в его отношении к албанскому, но должны обратиться к сравнению арумынского и албанского, соответственно, к оппозиции по определенности/неопределенности у существительных женского рода, оканчивающихся в арумынском на *-a* (т.е. албанском на *-e*)». Затем приводится список слов, часть которого я уже привел, и завершается комментарий словами «Это во всяком случае не значит, будто фонетическая близость открывает какую-то прямую интерференцию, но всё же в диалекте фэршеротов, в особенности у существительных мужского рода можно заметить тенденцию к унификации оппозиции по определенности/неопределенности, которая в глобальных рамках показывает известное сходство с албанским языком» (с.85).

гая решения лишь некоторых проблем, книга М.Марковича открывает гораздо больше вопросов и перспектив.

М. Макарец

Petar Šimunović: Rječnik bračkih čakavskih govora. Supetar: Brevijar 2006. Biblioteka «Brački libar» – knjiga 18, urednica Mira Menac-Mihalic. 746 str.

Петар Шимунович. Словарь брачских чакавских говоров. Библиотека «Brački libar», кн. 18 / редактор Мира Менац-Михалич. Супетар – Бревнар 2006. 746 стр.

В 1979 году в авторитетном немецко-австрийском издательстве «Bohlaus» (Кельн – Вена) опубликован *Čakavisch-deutsches Lexikon* (Чакавско-немецкий лексикон), авторами которого являлись наш знаменитый диалектолог Мате Храсте и известный диалектолог и ономаст Петар Шимунович, один из которых из Хвара (Брусье), другой – из Брача (Драчевица).

Словарь вызвал большой интерес славистов. Через четыре года Шимунович выпустил сборник чакавских текстов с комментариями, содержащими сведения о чакавских диалектах и отдельных местных говорах, из которых взяты примеры. Это единственная хрестоматия в нашей диалектологии, в которой кратко даны основные наиболее важные данные о говоре. Книга содержит акцентированные чакавские тексты, включая тексты чакавских диалектов разных частей света, небольшую хрестоматию современной чакавской поэзии, в большинстве случаев акцентированную на основании произношения самих поэтов, и первые чакавские тексты: *Baščanska ploča* «Башчанская плита», *Istarski razvod* «Истарский развод» (глаголические памятники), *Povaljska listina* «Повальская грамота» (кириллический памятник), *Red i zakon zadarskih dominikanci* «Порядок и закон задарских доминиканцев» 1345 года (первый хорватский текст на латинице). Также в книгу входят многочисленные диалектные карты и первая библиография работ на чакавском диалекте и о нем.

Об этих книгах дали положительные отзывы уважаемые слависты и лексикографы в известных славистических журналах.

Toponimija otoka Brača (Топонимия острова Брач) (1972 год, переиздана в 2004 под названием *Bračka toponimija* (Брачская топонимия)) Петра Шимуновича стала образцом для подобных работ не только в хорватской ономастике. При этом он является одним из старательнейших исследователей чакавских пунктов (локальных говоров в сети) Хорватского лингвистического атласа, для которого, к сожалению, до сих пор обследованы еще не все пункты¹.

¹ Обследованы все чакавские пункты, для которых на данный момент сделаны фонологические описания. Исследования велись свыше пятидесяти лет как ведущими диалектологами, так и молодыми филологами, так что после обследования всех пунктов при обработке материала и изготовлении карт, необходимо данный материал упорядочить, так как в ряде случаев одни и те же языковые явления записаны в разной форме, а различные – в сходной. Так было сделано в случае с хорватскими, южнославянскими, польскими и лужицкими материалами и для Общеславянского лингвистического атласа. Для сравнения, исследования для македонского атласа начались десять лет назад (акад. Божидар Видоески) и уже исследовано свыше 400 из запланированных пунктов.